

Рождественская история начинающего кулинара

Саша Тат

12+

Саша Тат

Рождественская история начинающего кулинара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53837607

SelfPub; 2020

Аннотация

На какие только подвиги не пойдешь ради своей Королевы!
Вот и я решил поразить ее праздничным кулинарным шедевром
собственного производства... но, кажется, что-то пошло не так.

Машина в витрине «Детского мира» поражала даже мое воображение – взрослого, двухметрового дядьки с легкой степенью небритости. Чего уж говорить о стайке пацанвы, прилипшей носами к стеклу, словно языками к металлу в мороз. Заметив меня, они прыснули в разные стороны. Я провел пальцами по подбородку – надо было все же побриться, а то вон даже юное поколение видит во мне Бармалея. Каким же видит меня Королева? Да, именно так – Королева Марго, не меньше! Пусть для всех остальных она просто официантка Рита.

Сначала я влюбился даже не в нее, а в ее смех – звонкий, залиvistый, как колокольчик. И этот колокольчик заполнил собой мой разум целиком, разгоняя все остальные мысли. Это было странно, но приятно, затем начало немного пугать и захотелось избавиться от наваждения. Но когда стало понятно, что установить тишину в собственной голове мне не удастся, я стал зависеть от этого звона, как наркоман, и каждый день шел на автопилоте в бар «Леденец» за новой дозой. А потом и вовсе неожиданно обнаружил себя в роли охранника заведения, пашущего в две смены во славу своей Королевы и ее смеха.

– Прекрасный подарок ребенку на Новый год! – продавец из «Детского мира», заметив потенциального покупателя, с интересом разглядывающего машину в витрине, выскочил прямо на мороз. – И сегодня как раз со скидкой в честь праздников!

– Нет-нет, это слишком дорого... да у меня и детей-то нет. Так просто, смотрю.

– А-а-а... – сразу поскущел продавец и удалился в магазин с таким оскорбленным видом, будто я сам выволок его на улицу.

С неба неуверенно сыпались редкие хрусталики, словно кто-то сверху не мог определиться, достойны ли жители города настоящей зимней сказки: густого снегопада и пушистых сугробов. Мороз при этом стоял лютый, и я, вмерзший в тротуар возле витрины, мешал пешеходам, спешащим поскорее добраться до тепла.

Мне бы тоже поторопиться. Ледяной воздух щипал за небритые щеки, ресницы и брови обросли морозным пушком, глаза слезились от холода и в носу захлюпало. Не хватало еще заболеть перед самой главной миссией в жизни: я шел к своей Королеве сознаваться! Мужик я в конце концов, или конь в пальто? Уверенно склоняясь к первому варианту, я решил закрепить словесные откровения материальными аргументами. Стянул зубами перчатку с руки – в пальцы сразу голодной собакой вгрызся мороз – и набрал номер.

– Давид, ты не передумал?

– Э-э-э, дарагой, абижаещ, да! Будет тебе тэлэфон – блестящий, как глаза любимой, работающий, как бензопила «Дружба», модный, как Филипп Киркоров! За полцены тебе, как другу, от сэрдца отрываю! Паслэдняя модель! Любой дэвушка в ногах у тэбя валяться будет!

– В ногах не надо, – заволновался я за свою Королеву.

– Ну нэ хочешь в ногах – на руки сама запрыгнет! – покладисто согласился клиентоориентированный Давид с требованием покупателя.

– Хорошо. Я жду.

– Сам тебе привезу, дарагой! Лично доставлю с упаковкой, с лентами, – глаз не оторвешь, жалко дарить будет!

Я прервал связь и бросил телефон в карман. Давид может нахваливать себя и свой товар часами, изгаляясь в красноречии, а у меня уже замерзла рука держать трубку. Строевым шагом, настраивая себя на боевой лад, я двинулся в сторону любовного фронта – на место работы. Вообще-то, у меня сегодня выходной, но так даже лучше, не придется отвлекаться на подвыпивших и оттого смелых посетителей, которых потянуло на подвиги. Вокруг деловито сновали Деда Морозы, за ними семенили румяные Снегурки – празднично-поздравительный бизнес переживал свой ежегодный расцвет.

На правах «своего», я обошел бар «Леденец» и зашел со двора, где находился служебный вход. Там меня встречал неизменный страж запасных ворот – дворник и по совместительству грузчик Семеныч. Точнее, сначала меня поприветствовал его запах, а потом уже и он сам. Алкогольные пары Семеныча постоянно окутывали его плотным коконом, и распространялись на приличные расстояния, так что детям и беременным женщинам подходить к нему не рекомендовалось. Даже птицы, имевшие неосторожность сесть на бли-

жайшие деревья, падали с веток и очумело отползали от Семеныча подальше, глотнуть свежего воздуха.

– Здрав будь, Санек, раздавим на двоих?

– Не-не-не, – сразу открестился я. – У меня дела.

– Ты ж выходной вроде?

– Выходной. Но пить не буду.

– К Ритке, небось, притопал, – заулыбался Семеныч так хитро, словно был носителем великих тайн мироздания, недоступных простым смертным.

Я дернул плечами и, присев рядом с Семенычем и стараясь не опьянеть от его вечно праздничной ауры, закурил.

– Подарок ей хочу сделать. Телефон подарю. Как считаешь, нормально? – доверительно поинтересовался я, надеясь на его возрастную мудрость, в наличии которой я хоть и сомневался, но чем черт не шутит?

Семеныч, видимо вынимая эту самую мудрость из глубин своей нетрезвой души и стряхивая с нее пыль, расправил плечи, приосанился, важно крякнул и сообщил:

– Ну так-то это, конечно, вот!

– Понятно, – кивнул я и затушил сигарету.

– Только девушки, они того... заботу ведь любят! – выдал Семеныч и я притормозил. – Чтобы, знаешь, время на них тратили, да побольше... Они, брат, такие! Капризные! Чуть зазеваешься, а они уже – фьюииить...

Семеныч изобразил руками таинственное, спиралевидное «фьюииить», уносящееся в пространство, как пробка от

шампанского.

– И как же ее проявляют, заботу эту? – наморщил лоб я, прикидывая про себя, достаточно ли времени потратил на поиск подарка.

В этот момент трубка в моем кармане завибрировала.

– Алло, слющай, дарагой, лечу к тебе, как истребитель к врагам государства! Только пробки вокруг, всэмирный заговор прямо! Нэ уходи никуда, скоро тэлэфон будет – новый, как муж Аллы Борисовны, большой, как депутатская зарплата, красивый, как я после парикмахерской...

– Ладно-ладно, я жду, – перебил я и, снова оборвав связь, вопросительно посмотрел на Семеныча.

– Ну как проявляют, – продолжил он прерванный диалог. – Сделать что-нибудь надо, этими... как их... руками, во! Девушки такое любят!

– А что сделать?

– Ну там... открытку соорудить, к примеру.

Я растерянно огляделся по сторонам, словно надеясь, что под ближайшим кустом прямо на снегу окажутся все необходимые материалы и инструменты для создания открытки вкупе с подробной инструкцией. Задача показалась мне слишком глобальной, сопоставимой по сложности разве что со сбором адронного коллайдера.

– А попроще что-нибудь нельзя?

– Ишь ты, попроще ему. Любишь девушек, люби и сердечки для открыток вырезать!

– Ну ты и задачи ставишь, Семеныч! Давай что-нибудь другое.

– Другое... хм... – сосредоточился он, и я даже затаил дыхание, чтоб не сбить его с мысли. – А ты ей приготовь что-нибудь вкусенькое!

В моем воображении сразу нарисовался ломоть белого хлеба с толстым слоем майонеза, внушительный шмат колбасы и помидорка, но Семеныч беспощадно добавил:

– Торт!

– Торт?! – ужаснулся я, мысленно снова возвращаясь к открытке. В принципе, адронный коллайдер – это не так уж и сложно...

– Ну ладно, пусть будет пирог, – сжалился надо мной Семеныч.

– Пирог... – протянул я задумчиво. – Пирог – это наверное просто, да?

– Ага! Я тебе ради такого дела даже свою сторожку уступлю, у меня и плита есть. А еще сито! – гордо добавил он, как будто именно это – залог успешного пирога.

– Сито – это хорошо... А мука у тебя есть?

– Не знаю.

– А яйца?

– Есть!

– Куриные, – уточнил я, недоверчиво прищурился.

– Не знаю.

– Тогда я лучше на кухню попрошусь, – я поднялся на но-

ги, чувствуя, как у меня внутри разгорается пламя энтузиазма. – Моя мама когда-то пекла французский пирог с кукурузными хлопьями. Может и мне попробовать?

– Сильвупле, Санек, сильвупле, – покивал головой Семеныч, одобряя мой выбор.

На кухне всем было не до меня, хотя открыто выражать недовольство мешающемуся вышибале не решались даже сотрудники заведения. И пусть из кухни я никогда и никого не вышибал, и вообще всегда демонстрировал высшую степень миролюбия, инстинкт самосохранения у людей, в большинстве своем не достающих мне до плеча, срабатывал без перебоев. Они сновали вокруг меня, как муравьи, занятые своими неотложными делами, а я чувствовал себя слоном в посудной лавке.

– Лихо мерили шаги две огромные ноги: сорок пятого размера покупал он сапоги... – продекламировал кто-то «Дядю Степу», вероятно считая себя очень остроумным.

Я обернулся и поискал глазами оратора. Кучерявый мелкий пацан с оттопыренными ушами сидел на стуле в уголке и болтал ногами, с интересом рассматривая меня.

– Что за мышь мне тут пищит снизу?

– Я не мышь, – обиделся ушастый. – А у вас там, на верхотуре, голова не кружится?

– Эту шутку я слышал тысячу раз, остряк. И про дядю Степу тоже! Ты что здесь делаешь?

– Маму жду. Она тут посуду моет, – буркнул пацан и от-

вернулся, потеряв ко мне всякий интерес.

Смутно припомнив добродушную женщину с круглым лицом и большими, мужскими руками, я сразу же про нее забыл, выискивая глазами свою жертву – какого-нибудь повара, который сможет мне помочь. Жребий выпал на чудосочного парня, чьего имени я вспомнить не смог, но чей путь очень удачно пролегал мимо меня. Я шагнул к нему и подержал его за колпак, придающий ему сходство с грибом.

Гриб-поваренок недовольно поднял голову и вопросительно уставился на меня снизу вверх. Задачу я объяснил повоенному коротко и быстро, не вдаваясь в детали, и сразу получил стакан муки, стакан сахара, два яйца и поваренную книгу. Хороший поваренок, покладистый!

– Делайте, что хотите, только не мешайтесь. Вон та плита свободна, – ткнул он пальцем в сиротливо стоящую в сторонке, никем не занятую плиту. – У нее конфорки не работают, но вам же духовка нужна?

– Мне еще нужна кукуруза! – уверенно сообщил я, вспоминая вкус из детства.

– Там поищите, – неопределенно махнул рукой поваренок и юркнул от меня подальше между стеллажей с посудой.

За кукурузой я пошел не сразу, ведь надо было узнать, какие ингредиенты мне могли еще понадобиться для французского пирога. Я открыл поваренную книгу и принялся изучать содержание.

– Привет, Саш, а ты чего на кухне?

Книга вывалилась из моих рук. Я схватил компрометирующую меня вещь, быстро спрятал за спину, как двоечник свой дневник, и поднял глаза.

Даже в коротеньком бордовом платье официантки и белым фартуком она все равно была Королевой. Непослушные прядки, выбившиеся из пучка волос, задорно топорщились в разные стороны, от постоянной беготни щеки разругались, она улыбалась, удивленно глядя на меня большими, янтарными глазами и держа в руках поднос и блокнот с привязанным к нему карандашом, словно скипетр и державу – неизменные регалии царствующей особы. И я, как верноподданный, невольно склонил голову.

– Так, просто, зашел узнать, как тут оно все...

– А-а-а! Да тут всегда одинаково. А вот в зале сейчас ужас, что творится! Столько посетителей... А какая-то дамочка, представляешь, залезла на барную стойку и давай танцевать!

Я промычал что-то нечленораздельное, но очень глубоко-мысленное, больше всего сосредоточенный на книге у себя за спиной. Хоть бы она не спросила, чего это там у меня в руках, потому что правдоподобного ответа никак не придумывалось.

– Ну ладно, я побегу, а то столько работы, – произнесла она и унеслась в другой конец необъятной кухни.

Пронесло! У меня от напряжения даже ладони вспотели. Шумно выдохнув, я снова принялся листать поваренную книгу и вскоре убедился, что никакого французского пирога

с кукурузными хлопьями в ней нет. Но сдаваться я был не намерен! Порывшись среди зерновых запасов в кладовой, я таки нарыл кукурузу. Заботливо прижав ее к груди, как драгоценность, я гордо прошествовал к своей плите с видом победителя.

Сверившись с рецептом и убедившись, что для самого обычного бисквита нужны только мука, яйца и сахар, на меня снизошло озарение, что печь-то оказывается легче легкого! И чего все кулинары носы задирают? Смешав все ингредиенты, я озадачился главным вопросом: как засунуть внутрь кукурузу, которая вроде как должна превратиться в воздушные хлопья. Пацан, следивший за моими манипуляциями вытянув шею, даже придвинул стул и уселся поближе, чтобы ничего не пропустить. Почесав затылок, я просто высыпал кукурузу в образовавшуюся смесь и с чувством выполненного долга засунул все в уже нагретую духовку.

– А вы уверены, что это именно так делается?

– Цыц, мелюзга! Не мешай большим дядям заниматься серьезными делами!

– Какими еще серьезными делами? Вы же просто пирог стряпаете.

– Это не просто пирог! – сделал я оскорбленный вид.

– А что это? – у ушастого даже глаза загорелись от любопытства, и он так сильно наклонился ко мне, что его стул накренился.

Я схватил пацана за шкурку и водрузил на место, пока тот

не пропахал носом пол.

– Работает тут одна очень хорошая девушка, и мне позарез нужно кое-что для нее сделать...

– А-а-а, любовь, – сразу поскутнел пацан и небрежно махнул рукой, мол – ничего нового. – Так я и подумал.

Я так обалдел от его реакции, что едва не проворонил завибрировавший в моем кармане телефон.

– Алло!

– Слющай, дарагой, савсэм тяжко по городу передвигаться, калесо проколлол, машина поцарапал, бампер разбил... Савсэм не мой день сегодня!

– Когда ты приедешь, Давид? – строго перебил я.

– Еду, брат, еду! Мчус, как Дэд Мароз на оленях к дэтам! Патэрпи, дарагой! Ну чут-чут подороже будет, ну падумаешь...

– То есть как это – подороже? Мы уже обговорили цену!

– Э-эй, зачэм ругаешься? Пят процентов больше, пят процентов меньше – для любимый дэвушка ничего не жалко! За скорость накинуть надо, брат. Праздники, мороз-шмороз, тяжелый ситуаций на дороге, сам видишь!

– Хорошо, я даю тебе еще полчаса! – гаркнул в трубку я и нажал на завершение звонка.

Пышущий справедливым негодованием, я не сразу обратил внимание на странные звуки, доносящиеся из духовки. Осторожно приоткрыв дверцу, я тут же получил в глаз каким-то комком.

– Что за...

Схватив полотенце и вытащив свой французский пирог наружу, я в полном шоке уставился на бурлящее месиво. Тесто вздымалось, надувалось пузырями как в фильме ужасов, и взрывалось липкими фонтанчиками, а из эпицентра взрыва вылетали здоровенные хлопья попкорна, траекторией своей очень напоминавшие «фьюиить» Семеныча.

Кукурузный обстрел оказался настолько внушительным, что досталось не только мне, но и тем, кому не посчастливилось оказаться рядом. Сидевший на стуле пацан ухохатывался во все горло, прикрывая голову руками и едва на падая со смеху на пол. Угроза начала третьей мировой в пределах кухни поборола всеобщий страх перед вышибалой, и меня сообща вытолкали на улицу вместе с моим оружием массового поражения.

– Это чего такое? – глаза Семеныча от удивления полезли на лоб и папироса вывалилась изо рта.

– Кукуруза в пироге взорвалась, – понуро сообщил я, держа чашку на вытянутых руках.

Очередная кукурузина взметнулась ввысь и скрылась в ночной темноте. Семеныч, проводив ее фееричный полет восхищенным взором, произнес:

– Ну, Санек, такие запуски с Роскосмосом согласовывать надо! Кабы чего не вышло...

И надо же было именно в этот не блестящий для меня момент появиться Королеве. Она выглянула из-за двери, судо-

рожно обнимая себя за плечи от холода, и спросила:

– А что это вы на улице стоите?

– Да тут Саня кукурузу на орбиту запускает, – тут же сдал меня Семеныч с потрохами. – Думает, космонавты на МКС голодные сидят.

Строго зыркнув на него, я внес ясность:

– Да нет, попросили вот выбросить...

И в подтверждение своих слов я демонстративно промаршировал до мусорного бака и выкинул туда свое агрессивное творение. Пирог в ответ огрызнулся из бака еще несколькими выстрелами.

– Заходи, простудишься, – позвала Марго и сама скрылась за дверями.

Пригрозив Семенычу кулаком, я тоже зашел внутрь. И правда – морозно.

Пацан на кухне встречал меня широченной улыбкой и явно готовился к продолжению шоу. На него я тоже зыркнул очень строго, но тот нисколько не испугался.

– А вы этой хорошей девушке отомстить за что-то хотите, да? – поинтересовался он.

– Нет, – буркнул я и снова сунул нос в поваренную книгу.

– Вы если готовить не умеете, желе ей тогда сделайте! Это как холодец, только сладкий, его печь не надо!

Неожиданная помощь от ушастого недоросля пришлась очень кстати – видимо, мужская солидарность появляется с самого детства. Я заинтересованно поднял голову.

– А как его сделать?

– Ну-у... мама берет какой-нибудь сироп или сок, или варенье водой разводит, потом добавляет желатин и в холодильник ставит.

– И все? – обрадовался я столь простому решению.

– Ага! Можно еще ягод каких-нибудь внутрь насыпать, или орехов.

– Ну уж нет, хватит с меня кукурузы! На этот раз обойдемся без начинки.

Пацан пожал плечами, достал яблоко и вгрызся в него зубами. А я побежал на поиски сока и желатина, размышляя на ходу, что времени у меня осталось не так уж и много. Если, конечно, Давид не подведет.

Для осуществления задуманного пришлось снова выпить гриба-поваренка и стрясти с него пакетики желатина. Взвесив все «за» и «против», несколько раз перечитав инструкцию на задней стороне упаковки, решил немного ускорить процесс. Заняв выгодную позицию возле морозилки, уверенно окопавшись между посудным шкафом и мешком картошки, которой в случае вражеских посягательств на мою территорию вполне можно начать отстреливаться, и не обращая внимания на фыркающий персонал, которому я мешал, вылил сок в глубокую, продолговатую форму, добавил туда разбухший желатин и поставил замораживаться. Все это заняло у меня не больше десяти минут и я мысленно поблагодарил сообразительного пацана.

Чтобы на этот раз уж наверняка не попасть в просак, от морозилки далеко не отходил, дабы улучшить момент и вовремя достать свое желе, пока оно не превратилось в ледяной кирпич. Несколько раз видел мелькнувшую на кухне Королеву и на этот раз даже бодро помахал ей рукой и улыбнулся, предвкушая, как поражу ее воображение своими кулинарными умениями и закреплю достигнутый успех дорогим подарком.

Периодически заглядывая в морозилку и наконец решив, что мое желе уже достаточно схватилось, вытащил его и слегка потыкал пальцем. На холодец совсем не было похоже. Ямка в том месте, куда я надавил, неожиданно выпрямилась и поверхность снова стала ровной. Не очень понимая, должно быть так или нет, я вернулся со своим желе к заскучавшему в одиночестве пацану.

– Эй, умник, ну как? Получилось?

Он критически осмотрел желе и авторитетно произнес:

– Достать надо.

Я снова потыкал свое произведение искусства пальцем, на этот раз нажав сильнее. Желе оказалось гораздо жестче, чем я думал. У меня появились неприятные ассоциации с резиной.

– Его же теперь оттуда только штопором вынуть можно, – с сомнением ответил я.

– Да нет же! Нужно перевернуть и накинуть сверху горячее полотенце, само вывалится!

– Серьезно?! – не поверил я в это колдунство, но решил последовать совету.

В крайнем случае – надеру этому шутнику уши и все! Но пацан не соврал. К моему изумлению, когда я убрал форму после всех этих манипуляций, желе действительно осталось на тарелке, грозно раскачиваясь в разные стороны, как Пизанская башня, но не ломаясь. Я опять потыкал его пальцем, раскачивая еще больше. А потом согнул, придавив к тарелке, и резко отпустил. Желе спружинило обратно и, подрожав немного, гордо вернулось в первоначальную форму. Пацан снова расхохотался.

– Ну и что это за Ванька-встанька? – сердито бросил я.

– Вы туда желатина слишком много положили, – сквозь слезы выдавил ушастый.

Игра ему понравилась, и он принялся гнуть мое неудавшееся желе в разные стороны, глядя, как оно с легкостью справляется с выпавшими на его долю пытками.

Запах Семеныча вплыл в кухню раньше, чем появился его хозяин, заставляя присутствующих недовольно поморщиться.

– Ну что там у тебя, Санек, получается?

– Да вот, – кивнул я на желе, выписывающем под натиском пацана хитрые амплитуды. – С желатином переборщил.

– Ух ты! Как гнется...

Семеныч сам попробовал сломать мое желе, весело глядя на отчаянное сопротивление дрожащей субстанции.

– От этой вибрации сейчас пространственно-временной континуум порвется, – выдал он, снова вызвав приступ хохота у пацана. – Давай-ка, Санек, завязывай нам тут нарушать целостность мира, пока у меня еще не все допито в заначке.

Кухонные работники, начав задыхаться и стремительно пьянеть от амбре Семеныча, настоятельно попросили его покинуть помещение.

– Не оставляй тут эту тварь дрожащую, – бросил он мне через плечо, когда его под ручки повели на улицу. – Я боюсь, что она начнет эволюционировать. Ее даже пули не возьмут! Как начнут пружинить назад в стреляющих...

Я, нахмурившись, схватил тарелку и выбросил желе в мусорное ведро. И как раз вовремя! Маргарита пробежала мимо меня, подмигнув на ходу, а я снова помахал рукой, но уже не так бодро и уверенно.

Пацан, почувствовав мое удрученное состояние, помалкивал, сидя на своем стуле. Я хмуро открыл поваренную книгу и принялся листать страницы, в поисках чего-то простого. Безе! Всего лишь белки с сахарной пудрой – это я точно сумею.

Не обращая внимания на выразившего крайний скептицизм пацана, я старательно отделил белки от желтков, ухитрился стащить блендер и взбить их с сахарной пудрой. Весьма воодушевившись тем, что у меня получилась именно такая пена, как описано в книге: белая, воздушная и густая, я победоносно осмотрел свое творчество. По рецепту пену

нужно было выдать на противень из кулинарного шприца маленькими порциями, хотя далее утверждалось, что можно оставить и так, чтобы получился пирог-суфле. Выбрав второй вариант, я перелил пену в невысокую чашку, засунул в духовку и достал из кармана телефон.

– Алло, Давид, ты где?

– Эй, дарагой, только о тебе подумал, трубку взял, уже номэр набрал, а тут ты! Одинаково думаем, слющай...

– Где телефон?

– Уже в кармане у тебя пачти! Пят минут осталось, брат, еду на красный, штрафы собираю – все ради тебя, дарагой! Для хароший человек и нарушить не грех. Десят процентов накинешь и вапросов нэт. Я счастлив, ти счастлив, дэвушка твой...

– Слушай, Давид, я так и в соседнем магазине мог купить, зачем мне тогда ты нужен?

– Эй, какой такой магазин? Со скидка тебе и так продаю, дешевле, чем в любой магазин-шмагазин. Спец цена для лучший друг! Уже пачти под дверями стаю. Выбегай, встречай, красивый дэвушка прямо в сердце поражай!

Разозлившись, я швырнул телефон в карман и сосчитал до десяти. Потом вспомнил про безе и посмотрел на духовку. Кажется, этот десерт готовится очень быстро... От духовки подниматься нехороший дымок. Я подбежал к плите и рванул на себя дверцу.

– Сейчас точно все должно получится, мама говорит, что

бог любит троицу! – потирая руки произнес пацан, но когда нашему взору вместо суфле предстала обугленная горстка золы, добавил: – Но вы, я так понимаю, атеист.

Со психом схватив чашку, я понес ее на улицу, потому что по кухне начал быстро распространяться запах гари и все стали оборачиваться и морщить носы.

– Шо, опять? – изобразил Семеныч классику мультипликационного жанра.

Я открыл было рот, чтобы ответить, но тут дверь за моей спиной снова начала открываться, и я, шестым чувством распознав Маргариту, быстро швырнул сгоревшее безе в сугроб – снег зашипел и задымился. Я не нашел ничего лучшего, чем быстро сесть в тот же сугроб сверху, собой прикрывая свой кулинарный позор.

– Ты чего? – недоуменно спросила Марго, высунувшись на улицу.

– Да так... сижу, – сказал я, стараясь выглядеть естественно, что в моем положении требовало грандиозного актерского таланта.

– А почему в сугробе?

– Жарковато стало, тебе не кажется? – ляпнул я.

Она перевела взгляд на большое электронное табло на фасаде «Детского мира». Цифры упорно показывали минус тридцать семь градусов по Цельсию.

– А вчера было тридцать восемь, – произнесла она.

– Теплеет, – с авторитетным видом подтвердил я, чув-

ствуя, как беже начинает обжигать мою пятую точку сквозь джинсы.

Впечатления своеобразные, учитывая, что в остальном сидеть в снегу в такой мороз все же холодно. Мое тело, обалдев от столь резонансных ощущений, усиленно сигнализировало в мозг свое негодование и требовало прекратить издевательства. Но я мужественно терпел.

– Ты все-таки не сиди там, Саш, – протянула она, сама содрогаясь в дверном проеме.

– Угу. Ты тоже не простудись!

Она кивнула и юркнула внутрь. Я выкарабкался из сугроба, полностью игнорируя Семеныча, глядевшего на меня, как на святого мученика. На кухню возвращался полностью потеряв энтузиазм. Ушастый пацан кажется ждал меня и, едва я подошел, обреченно глядя на поваренную книгу, как на своего злейшего, но победившего меня врага, сказал:

– Я придумал, вы шарлотку сделайте! Мама ее всегда печет, когда она устала, потому что это легко и быстро!

– Знаю я твое «легко и быстро», – передразнил я, скривившись. Мое внутреннее «я» уже вынимало из-за пазухи белый флаг и готовилось сдать.

– Нет-нет, это правда легко. Я скажу, что надо делать, сто раз видел, как мама шарлотку пекла! У меня даже яблоко есть – вот!

Под строгим руководством недостающего мне до пупка салаги, я вяло взбивал яйца с сахаром, досыпал туда муки,

нарезал яблоко, втыкал дольки в тесто... В успех мне уже не верилось, и потому все делал механически, скорее для того, чтобы не разочаровывать пацана, отчего-то загоревшегося идеей.

– Вот! А теперь в духовку на сорок минут! Вы не бойтесь, я посижу, чтобы не сгорело. Я время засекаю! – он показал мне наручные часы, как доказательство, и я устало кивнул. Уселся на стул и уставился на кухонных рабочих.

Повара прыгали вокруг разделочных столов и плит, официанты носились туда-сюда с подносами. Маленькая кухонная жизнь кипела, похожая на один отдельно взятый мир со своими законами и правилами.

Может зря я это все затеял? Марго, небось, меня только как мебель воспринимает – шкаф, он и есть шкаф – а я тут из штанов выпрыгиваю. Никаких намеков она мне никогда не давала, и на что я только надеюсь?

– Смотрите, что мне подарили!

– Опять? Это который у тебя уже? Солить ты их будешь, что ли?

– Не ваше дело!

– Ох, Танька, всю честь на цацки променяла, клейма ведь ставить негде...

– Завидуйте молча! Последняя модель, между прочим, – хвастающаяся новым телефоном официантка бережно убрала свое сокровище в карман фартука и деловито поправила прическу. – Вы пока тут на кухне локтями толкаетесь, я

на подарках от благодарных клиентов годовую зарплату за неделю сделаю, так-то! О, Ритка, пошли познакомлю с правильными клиентами, может и тебе обломится! А если постараться, то и чего покруче отхватишь.

С этими словами она схватила под локоть только что вошедшую Маргариту – мою Королеву Марго! – и выпорхнула из кухни, уводя ее за собой. Первым моим порывом было догнать их обеих и... ну не дать Таньке по шее, конечно, хотя она того и заслуживала, а просто отцепить ее хваткие ручонки от моей Королевы, и вообще запретить к ней приближаться всяким там этим... с пониженной социальной ответственностью! Но я остался сидеть на месте.

И зачем я своей Королеве сдался? В зале такие клиенты, что у них счет за один вечер больше, чем этот телефон стоит. Она если захочет, ее этими телефонами завалят по самое не хочу! Я только зря теряю время. Спортсмен и отличник... КМС по лыжам, между прочим! А трачу жизнь на бесперспективную работу вышибалы, когда меня давно уже тренером в спортивную школу зовут. И что я здесь делаю?

– Похоже, чуда сегодня не случится, – уныло пробормотал я себе под нос.

– Чудес не бывает, – подтвердил пацан.

Я, совсем забыв о его существовании, встрепенулся и посмотрел на него.

– Как это – не бывает? А Дед Мороз?

– Такой большой – и в Деда Мороза верите!

– А ты не веришь...

– Нет, конечно.

– А вон видишь, кто это по твоему идет? – ткнул я пальцем в окно, где, придерживая красную шубу за полы, пробежал Дед Мороз с мешком за плечами.

– Чей-то папа, – открыл он мне глаза на истину и глубоко, совсем не по-детски вздохнул.

– Разве плохо, когда твой папа – Дед Мороз?

– Не знаю, у меня его нет.

Я снова посмотрел на него. Пацан говорил спокойно, привычно, как о какой-то вполне нормальной, обыденной вещи, которая давно уже никак его не задевает. И почему-то в этот момент он стал казаться мне очень взрослым, куда взрослее, чем я сам.

– Мама говорила, что он работал в очень секретной спецслужбе и погиб на задании, но я знаю, что он много пил и умер от этого. Мне соседка сказала.

– Добрая тетя, – буркнул я. – Тебя хоть как звать, умник?

– Новоселов Никита Геннадьевич, – солидно представился он, и даже как-то приосанился.

– Вот что, Никита Геннадьевич, ты всяким там соседским тетям верь меньше. Маму слушать надо!

– Угу, – шмыгнул он носом.

– Ну, бывай, мужик, – я по-взрослому пожал ему руку и поплелся на выход.

На улице все также трещал мороз. Я вдохнул полной гру-

дью ледяной воздух, остро почувствовав, что Семеныч хоть и вне пределов видимости, но все еще где-то рядом, и пожегил. Телефон в кармане настойчиво завибрировал.

– Э-э-э, брат, я одной ногой у тебя уже стою. Сэкунда осталась, моргнуть нэ успеешь, и тэлэфон в руках, дэвушка в ногах, как барин будэш! Все абзавидуются!

– Я не буду брать, Давид.

– Как – нэт? – оторопел он, от шока став очень кратким.

– Так – нэт, – подтвердил я. – Долго ты ехал, брат.

– Э, слющай, ну зачэм так сразу рубишь, да? Будэт тебе тэлэфон по старой цене. Сразу бы сказал, Давид для лучшего друга ничего не пожалеет! Такой цена вигодный, ни один магазин не предложит! Только для тебя – спэцпреложение!

– Нет, Давид. Надобность отпала, загонишь кому-нибудь другому, – отрезал я и выключил телефон.

Снежок все-таки посыпался с неба поуверенней. Может еще потеплеет? Я побрел по улице, нахохлившись и засунув руки в карманы. У «Детского мира» уже не дежурила пацанва, но мой взгляд сам по себе приклеился к витрине, где все еще сверкала боками мальчишеская мечта. На этот раз заботливый продавец не выбежал ко мне наружу. Я сам зашел внутрь.

– Здравствуйте. Я хочу купить эту машину.

– Как, детьми уже обзавестись успели? – ехидно поинтересовался все тот же продавец.

– Ага, и денег внезапно накопил. Мне еще нужна открыт-

ка!

Продавец прилежно преподнес мне открытку и даже милостиво одолжил ручку. На обратной стороне, стараясь ровно выводить буквы замерзшими руками, я написал:

«Новоселову Никите Геннадьевичу от сотрудников очень секретной спецслужбы». Пусть хоть у кого-то будет чудо.

Вернув ручку продавцу и схватив коробку, я помчался обратно в бар, боясь, что мама с сыном уйдут раньше. Но пацан все также сидел на стуле в углу и болтал ногами. Заглянув на кухню, заходить я не стал, а только поманил пальцем паренька-разнорабочего.

– Эй, а ну поди сюда! Метнись-ка в посудомойный, позови мне там... э-э-э... женщина одна работает.

– Их там трое. Кого позвать?

Я немного растерялся, ведь имени я не знал.

– Новоселову, наверное... Есть такая?

– А-а-а, Никиткина мама что ли?

– Да-да! Зови, быстро!

Женщина пришла через пару минут, удивленная тем, что ее кто-то ищет за пределами кухни.

– Я всю посуду сама лично проверяю перед подачей, все было чисто, – почему-то начала оправдываться она прежде, чем я успел ей что-то сказать.

– Нет, я не... Тут посылка для Никиты, просили передать.

– Кто? – ошарашено произнесла она и даже попятилась, словно боялась, что я впихну ей в руки бомбу. – Вы ошиб-

лись, это не мне.

И ведь не возьмет, если скажу!

– Да это... госпрограмма какая-то, новогодняя, по поддержке неполных семей, – вдохновенно соврал я, да так уверенно, что грех было усомниться! – Новоселову Никите. Курьер принес.

– Да, я что-то слышала такое, – растерянно произнесла она. – Только... неожиданно как-то. Мне никто ничего не сообщал, что мы в госпрограмму попали. А вы точно не ошиблись?

– Не ошибся! Ну вы будете брать или нет? Мне тут не резон всю ночь с вами торчать, – нетерпеливо сказал я и снова протянул ей коробку, стараясь скрыть за грубостью свою неведомо откуда взявшуюся сентиментальность.

– Да-да, извините, – засуетилась женщина.

– Хотя, подождите, – хлопнул я себя по лбу. – Надо же, чтоб Дед Мороз... Я сейчас!

В зал бежать не пришлось. Аниматора в костюме Деда Мороза я перехватил у туалета.

– Извините, вы не могли бы мне помочь? Нужно вручить одному мальчику подарок...

– Да вы в своем уме? – возмутился Дед. – Знаете, сколько меня таких мальчиков и девочек сейчас в зале ждет?! некогда мне заниматься всякой ерундой...

– Сейчас врежу!

– Ну так бы сразу и сказали, что срочно надо! К чему эта

агрессия? – сразу подобрался аниматор и деловито поправил ватную бороду. – Ну-с, где клиент?

– На кухне сидит. Мальчик Никита. Подарить надо вот эту машину!

– Ого! Такую и у Кремля не стыдно припарковать.

Заходить к Никите вслед за его мамой и Дедом Морозом я не стал, только постоял в коридоре, дождавшись восторженного мальчишеского возгласа. Улыбнулся и вышел на улицу, теперь уже с твердым намерением добраться до дома и переосмыслить свою жизнь. Ах да, у меня же пирог там печется! Хотя ну его! Очередная дрянь Наверное вышла. Надеюсь, кто-нибудь вытащит его из духовки и пожара не случится.

Вокруг, несмотря на ночь, все еще царил праздничная суэта. Новогодняя неоновая реклама лезла на глаза. Где-то недалеко раздавались звуки фейерверков. Я шел по улице, и на душе у меня было радостно и тоскливо одновременно.

– Саша!

Я вздрогнул и обернулся.

– Ты так быстро ходишь, еле догнала!

Красивая, светлая, как ангел, чуть запыхавшаяся, но улыбающаяся дрожащими от холода губами – моя Королева смотрела на меня, хлопая ресницами, уже покрывшимися инеем.

– Зачем?

– У меня смена закончилась, домой иду. А ты свой пирог забыл. Вот! – она протянула мне поднос с румяной шарлот-

кой, от которой все еще поднимался пар.

Я ощутил, как густо покраснели мои уши. Небось, полы-
хают сейчас ярче звезд на кремлевских башнях!

– Очень вкусно пахнет, – добавила она, втянув носом воз-
дух.

– Так это... я для тебя пек, – брякнул я и прикусил язык.

– Для меня? – обрадовалась она не хуже Никиты Генна-
дьевича, получившего машину от секретной спецслужбы, и
тут же отломил кусок, забросила в рот, и в наслаждении за-
катали глаза. – Уол-е-уо!

– Что?

– Я говорю – волшебю! А то ведь мне на работе и пере-
кусить некогда. По кухне бегаю и вечно голодная, рассказать
кому и не поверят! – рассмеялась она, звонким, как коло-
кольчик, голосом. И как у нее так получается? Высоко, чи-
сто, будто музыка...

Нужно натянуть шапку пониже, а то я так своими красны-
ми ушами семафору, что того и гляди водители на дороге
тормозить начнут на их запрещающий свет.

– Очень вкусно, Саша, и как раз, как я люблю – яблочный!
Никогда бы не подумала, что ты печь умеешь. Проводишь
меня?

– Ага, ладно, – неуклюже согласился я. – Я думал, ты до
утра работать будешь.

– Нет, я до утра в праздники никогда не остаюсь. Посети-
тели совсем человеческий облик теряют, наглые становятся,

руки распускают. Думают, что официантки все, как Танька. Всегда стараюсь уйти пораньше, а то, боюсь, не выдержу, и подносом кому-нибудь по башке дам. Не нравится мне тут, давно увольняться надо было... А ты чудной.

– Почему?

– Не знаю. Просто чудной и все!

– Чудеса бывают разве?

– Конечно! Я пока бежала за тобой с пирогом, чуть слюной не подавилась от запаха. А это для меня оказалось. Чудо? Чудо!

И не поспоришь. Она снова отломил кусок и засунула себе в рот.

– А ты топия куао? – спросила она с набитым ртом, захихикала и, прожевав, добавила: – Извини, такая голодная, остановиться не могу. Правда, очень вкусно! Я говорю, ты торопишься куда-то?

– Нет, вроде.

– Может, погуляем? Я с тобой пирогом поделюсь, честно-честно! – клятвенно пообещала она, заглядывая мне в лицо и гипнотизируя чистым, янтарным взглядом, замерзшими ресницами, алыми щеками и улыбкой, обещающей порадовать меня звоном колокольчика.

– Ну если поделишься, то пойдём.

Немного смущенный от того, что она первая позвала меня гулять, я осторожно взял ее под локоть, чтобы моя Королева не подскользнулась. Наверное чудеса и впрямь бывают. Осо-

бенно в новогодние праздники! Я посмотрел на снующих туда-сюда разнообразных Дедов Морозов. Некоторые походили больше на зарубежного Санта-Клауса, в некоторых явно угадывались женские формы под красной шубой. Мелькнули даже неформалы: молодой Дед с серьгой в ухе и саквояжем, вместо мешка, да Снегурка в кожаных штанах и кроваво-красной помадой на губах. И кого только не встретишь в это время...

Но вдруг какие-то из них настоящие?

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.